

И.В. САМОЙЛОВ

**ИДЕЯ «КОНСЕРВАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЛЬВА ТИХОМИРОВА
И В ИДЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ»: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРОЕКТ**

Считается, что консерватизм – это идеология, нацеленная на сохранение status-quo и потому противящаяся модернизации. Однако в действительности под давлением вызовов со стороны либеральных и социалистических идей политические традиционалисты порой не просто отрицали прогрессистские идеи, но и искали их «внедемократическую альтернативу», которая тоже представлялась в качестве модернизационного начала. На наш взгляд, консерватизм, призывающий к реформаторству, характерен именно для эпохи политических перемен. Именно так обстояло дело в России после революции 1905–1907 гг., поставившей в повестку дня задачи политической модернизации, а также в Германии в 1920-х годах, когда после формального провозглашения демократии остро встал вопрос о создании действенной политической системы. Как верно подметила О.Ю. Малинова, хотя любой консервативный проект опирается на так называемые традиционные ценности и институты, «его мобилизационные возможности, как это ни парадоксально, также зависят от успехов модернизации, создающих новые проекции “нашего славного прошлого”, новые форпосты, которые можно защищать, увязывая с прежними традициями» [Малинова, 2009, с. 181].

В качестве примера, иллюстрирующего идейный феномен «консервативной модернизации», мы бы хотели привести политический проект, принадлежавший одному из виднейших представи-

телей русского дореволюционного традиционалистского лагеря Льву Александровичу Тихомирову. Поскольку идеи консервативной модернизации развивались в XX в. не только в России, творчество позднего Тихомирова, связанное с короткой эпохой русского парламентаризма, можно рассматривать, на наш взгляд, как часть определенного течения в консерватизме, что мы и попытаемся показать, сопоставив его концепцию с идеями представителей немецкой «консервативной революции» – идейно-философского направления в Германии 1920-х годов. Оба направления можно рассматривать как поиски идеологического ответа на вызовы политической модернизации в форме установления демократических институтов.

Основной предпосылкой к созданию Тихомировым консервативно-модернизационной концепции монархического переустройства были изменения в законодательстве Российской империи, последовавшие за Манифестом 17 октября 1905 г. Сознвая, что бюрократические методы управления Россией исчерпаны, мыслитель тем не менее не поддержал проект П.А. Столыпина, направленный на сохранение монархии путем введения ряда прогрессивных заимствований из политической и хозяйственной систем западных стран. Главная причина заключалась в том, что основные законы 1906 г. лишили монархию особого статуса и в определенной мере ограничили ее политические возможности. Уже на закате своей публицистической деятельности, в 1911 г. Тихомиров писал Столыпину: «Если мы хотим народного представительства, то должны выращивать его непременно при самодержавии. А конституция 1906 г. подрывает и то, и другое» [Тихомиров, 2008, с. 462].

Свои размышления по поводу Манифеста от 17 октября 1905 г. и основных законов 1906 г., заложивших основы ограничения царской власти, мыслитель изложил в статьях «Правая перестройка конституции» и «Об исправлении кодификации 1906 года», опубликованных в газете «Московские ведомости». Отталкиваясь от особенностей русского государства, он развивал идею модернизации путем усиления традиционных политических институтов, важнейшим из которых для России являлась монархия. Консервативный проект Тихомирова направлен против ограничения самодержавия со стороны как институтов народного представительства, так и бюрократического аппарата. Демократическим принципам разделения властей, независимости судебной системы Тихомиров

противопоставлял абсолютную царскую власть, аргументируя свою позицию следующими характеристиками монархического начала: «...прочная власть, единство власти, нахождение вне партий и частных интересов, высокая степень нравственной ответственности, уверенность в своей силе, дающая мужество на противодействие всем случайным веяниям, способность к обширным преобразованиям» [Тихомиров, 2006, с. 388]. В связи с этим он предлагал «поставить, прежде всего, на принадлежащее ей место Самодержавную власть, восстановить союз церкви и государства, подорванный конституцией» [Тихомиров, 2008, с. 415].

Как истинный традиционалист, Тихомиров аргументировал необходимость сохранения неограниченной монархии культурными, психологическими и этическими соображениями. Монархическое сознание, по Тихомирову, тесно переплетено с сознанием религиозным, оно «вертикально» и ориентировано на «сверхавторитет», а потому какие-либо демократические процедуры ему изначально чужды. Именно поэтому большая часть русского общества, и в первую очередь крестьянство, с его укладом и бытом, были настроены, по мнению автора, промонархически. Фигура царя, стоящего над социальными группами, обеспечивает реализацию коллективного интереса, а потому только она способна гарантировать действенность и результативность любых изменений. Ограничения, накладываемые на монархию, неизбежно должны были привести к параличу политической воли и, как следствие, к кризису всей государственной системы. Поэтому прогресс в понимании Тихомирова – это обращение к традиционным институтам, беда которых в том, что они не получили дальнейшего «органического» развития.

Идея модернизации с ориентацией на старую политическую форму была характерна и для «консервативной революции» общественно-политического течения, появившегося в Германии в начале 20-х годов XX в.

Идеология немецкой «консервативной революции» возникла как реакция на социально-политический кризис, вызванный поражением Германии в Первой мировой войне, падением монархии и введением в стране демократических институтов. Данное мировоззрение объединяло часть немецкой интеллектуальной элиты, к представителям которой можно отнести философов Эрнста Юнгера и Освальда Шпенглера, публициста Артура Мёллера Ван Ден

Брука, правоведа Карла Шмитта и др. Так как психологическая и интеллектуальная реакция немцев на тот политический курс, который взяла Германия после гибели Кайзеровской империи, была неоднозначной, общество переживало ностальгию в отношении «старой» государственности, обусловленную политическими, военными и хозяйственными победами страны во второй половине XIX в. Немецкая государственность превозносилась «консервативными революционерами» как «неповторимая» политическая форма, олицетворением которой была Германская империя со свойственными ей авторитаризмом и милитаризмом, ведущей ролью административного аппарата в вопросах управления страной по отношению к политическим партиям. Как уникальное политическое и культурное образование, Германия противопоставлялась странам Западной Европы, в особенности Англии и Франции. Отправной точкой для такого подхода послужили так называемые «идеи 1914 года», представлявшие общество, нацию и государство в качестве единого понятия и выступавшие альтернативой идеям «эпохи буржуазных революций». Как указывает немецкий историк Герд Кенен, «прагматический индивидуализм демократических идей, и вправду действовавший разлагающе на традиционн-иерархические государственные и общественные формы различных стран, необходимо было превзойти неким германским контруниверсализмом» [Кенен, 2011, с. 53].

Таким образом, основной предпосылкой для философии «консервативной революции» (как и для философии Тихомирова) являлся поиск альтернатив демократическому универсализму с опорой на национальные традиции политического строительства. В этом смысле русского мыслителя и немецких идеологов объединяет осознание необходимости реформирования существующего строя, который еще не был устойчиво демократическим; и в нем сохранялись стойкие противоречия, что, как полагали консерваторы, давало им возможность для политического маневра. По мысли консервативных мыслителей, традиционные институты, такие, как монархия в России или прусское военно-бюрократическое государство в Германии, представленные в форме своеобразного политического, исторического, морального идеала, не просто возрождаются, но и наделяются более широкими возможностями, в то время как демократические институты, в лучшем случае, играют вспомогательную роль. Поэтому «консервативную модернизацию»

можно охарактеризовать как своеобразную «революцию в обратном направлении», где «старый проект» в форме «ретроспективной утопии» рассматривается одновременно в качестве предпосылки и основной цели преобразований. Так в чем же суть этих консервативно-модернизационных альтернатив?

Как уже указывалось ранее, принятие 23 апреля 1906 г. в Российской империи новых основных законов создало ряд предпосылок для преобразования политической системы из монархии самодержавной в конституционную. Лев Тихомиров предложил свой проект консервативного переустройства России. Как и его политические противники, он критиковал «бюрократический абсолютизм», отмечая, что «абсолютистская идея разобщила государство и общество, отняла у монархии способность почуять интересы новых социальных групп» [Тихомиров, 2006, с. 467–468]. Однако мыслитель не считал, что сложившееся положение вещей следует «исправлять» путем введения демократических институтов. Россия, по Тихомирову, должна оставаться унитарным государством с сильной централизованной властью в форме самодержавия, имеющего монополию на законотворчество и идейно опирающегося на православие. Он отмечал, что «интегрирующую силу должно искать никак не в “свободной борьбе” социальных сил, а в государстве, стоящем выше всех их, но в то же время одинаково всех их поддерживающем, в их законных стремлениях, и подавляющем все эгоистическое, вредящее целому обществу» [Тихомиров, 2006, с. 465]. Идее разделения властей он противопоставляет идею интеграции интересов общественных групп, которая может быть обеспечена сословно-корпоративным представительством, гарантированным монархией. Последствия «бюрократического абсолютизма» могут быть преодолены благодаря созданию представительного законосовещательного органа, призванного наладить «диалог» между самодержцем и народом. Законосовещательные учреждения призваны ликвидировать как партийное, так и бюрократическое «средостение», которые в равной степени ограничивают политические возможности самодержавия, а также усовершенствовать законотворческий процесс, который продолжает обеспечиваться исключительно силами монархии. Политические преобразования, согласно Тихомирову, должны быть направлены одновременно и против ограничения монархии (консервативный принцип), и на расширение ее политических возможностей путем опоры на широ-

кие слои населения через систему сословно-корпоративного представительства. Говоря о России, Тихомиров отождествляет понятия государства и монархии, что касается других политических институтов, то они являются для самодержавия лишь вспомогательным средством в процессе его исторического саморазвития.

Идеология «консервативной революции», так же как и тихомировский проект, опиралась на политические идеалы прошлого, стараясь реализовать индивидуальную политико-культурную модель, базирующуюся на «старой» политической форме. Как уже упоминалось, таким ориентиром для немецких идеологов являлась Германская империя, и в первую очередь, Германия времен Первой мировой войны, для которой были характерны сверхцентрализация и сверхорганизация, а также идейное единство, когда политические партии практически единодушно вотировали военный бюджет, а правительство, генералитет и чиновничество действовали как единое целое, в рамках своеобразного «военного социализма» или «тотальной мобилизации» (термин Юнгера). Однако нельзя сказать, что у «консервативных революционеров» была единая и четкая программа политических реформ. Скорее, речь шла о системе ценностей и общих политических представлениях об идеальном немецком государстве.

Идеологи немецкого революционного консерватизма делали ставку на профессионально-сословное, корпоративное устройство, чуждое классическому парламентаризму, где политическая партия представляет не интересы граждан, ориентированных на конкретную программу, а действует в интересах государства, выполняя законотворческую функцию. Государство «консервативных революционеров» управляется коллегиально представителями профессиональных групп, но в нем нет места представительной демократии и многопартийности, поскольку изначально присутствуют единая политическая воля и единая идеология. Классический парламентаризм отвергается, так как препятствует решению общенациональных задач в угоду интересам отдельных персон или социальных групп.

Как полагали «консервативные революционеры», уже в императорской Германии изначально существовала не столько партийная, сколько административная система, состоящая не из частных лиц, а из служащих, движимых общественным долгом. «Поэтому-то, – отмечал историк и философ Освальд Шпенглер, – управление не могло находиться в руках частных лиц, как это предпола-

гает парламентаризм. Управление было службой, а ответственный политик был чиновником, слугой целого» [Шпенглер, 2002, с. 96]. Очерчивая контуры идеального «немецкого» государства, Эрнст Юнгер писал: «Мы сформулировали четыре основные черты нового государства. Это национализм, социализм, обороноспособность и авторитарная структура» [Юнгер, 2008, с. 91]. По мнению Юнгера, курс консервативных реформ следовало направлять в сторону укрепления государства, при этом, как он полагал, «оно будет национальным. Оно будет социальным. Оно будет вооруженным. Его структура будет авторитарной. Это будет государство, полностью отличное как от Веймара, так и от старого кайзеровского рейха» [Юнгер, 2008, с. 82].

Аналогичный подход характерен и для Шпенглера, изложившего свои идеи в работе «Пруссачество и социализм» – философско-политическом манифесте, написанном под влиянием событий немецкой революции 1918 г. Германия для Шпенглера является уникальным государством, с его «пруссским духом» или «пруссским социализмом», «авторитарным социализмом» [Шпенглер, 2002, с. 105], связанным с идеей государства-корпорации, где народ представляет собой «сверхличную общность». Здесь власть организована на основе отбора, коллективной ответственности и коллегиальности [Шпенглер, 2002, с. 97].

Сравнивая рассмотренные версии консервативной идеологии, можно отметить, что «консервативные революционеры» пытались утвердить идею «сверхгосударства», а Тихомиров – идею «сверхавторитета».

Идеология «консервативной модернизации» возникла в первую очередь как «ответ» на демократический «вызов», брошенный старой политической системе. Именно поэтому консервативный реформизм оперирует теми же понятиями, что и либеральный (свобода, право, обязанность, личность), давая им свое толкование и оценку. Так, идее свободы противопоставлялась идея долга, понятие личности и ее прав – понятие сообщества и общенационального интереса, эволюционизму – культурно-исторический детерминизм, новации – традиция.

В чем же заключается сходство проектов Тихомирова и «консервативных революционеров»? На наш взгляд, это, прежде всего, культурно-исторический детерминизм, который, в свою очередь, приводил к абсолютизации исторического опыта конкретной страны и, как следствие, к созданию радикального политического

проекта на основе ретроспективной утопии. И у Тихомирова, и у «консервативных революционеров» сильная государственная власть позиционирует себя как третейского судью, от которого зависит смягчение социальных противоречий и которая гарантирует баланс интересов. В качестве альтернативы демократическому представительству выдвигалось сословно-корпоративное. Политическая борьба в представлении консервативных модернизаторов должна была вестись по двум направлениям – одновременно и против нарождающейся демократической, и против старой бюрократической системы, соединив в себе революционность и консерватизм. Так, «идеальная монархия» Тихомирова независима ни от влияния бюрократического аппарата, ни от демократических институтов в форме парламента. Взаимодействие верховной власти с обществом строится, согласно тихомировскому подходу, на основе контактов с выборными представительными органами, имеющими совещательные функции и построенными по сословно-корпоративному принципу. «Идеальное государство» «консервативных революционеров», опираясь на идею профессиональной корпорации, отводит политическим партиям роль одного из звеньев государственного аппарата, на которое возложены обязанности по законотворчеству. Таким образом, и для Тихомирова, и для «консервативных революционеров» основная цель заключалась в том, чтобы возглавить процессы модернизации не через обновление или реорганизацию «старых» институтов, а через «их новое прочтение».

Возвращаясь к вопросу об истоках философии «консервативной модернизации» и причинах, по которым этот проект не состоялся ни в России, ни в Германии, необходимо отметить, что формирование взглядов позднего Тихомирова и доктрин «консервативных революционеров» обусловлено специфическими политическими, социальными и культурными обстоятельствами. Это отсутствие полноценной демократической традиции (особенно в России) и навыков политического компромисса, неустойчивость самих демократических институтов, глобальные исторические и геополитические претензии двух стран в начале XX в. (что повлияло на представления об их «особом историческом пути»), внутренняя дестабилизация, которая повлекла ностальгию по «сверхавторитету» в России либо «сверхгосударству» в Германии. Проекты Тихомирова и «консервативных революционеров» были обречены, поскольку были одновременно и радикальны и утопичны.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что, несмотря на глубокую веру Тихомирова в монархизм русского народа, отношение к самодержавию в России в начале XX в. было неоднозначным, о чем свидетельствуют русские революции 1905 и 1917 гг. По этому поводу русский мыслитель Георгий Федотов заметил следующее: «Быстрое и почти бесследное уничтожение монархической идеи является одним из самых разительных фактов революции... Ни одно из движений, возглавляемых монархистами, не решилось открыто поднять монархического знамени» [Федотов, 1991, с. 261]. По его мысли, «монархия не может жить без монархического сознания. В этом ее коренное отличие от республики, которая возможна и без республиканцев» [там же, с. 262]. Подобным образом размышлял и Тихомиров, целиком и полностью связавший монархизм с национальным менталитетом, что привело его в конечном итоге к идейному поражению.

Несмотря на то что оба варианта концепции «консервативной модернизации» не получили дальнейшего развития, есть основания полагать, что о политических проектах, построенных на идеях и ценностях «консервативной модернизации», будут еще неоднократно «вспоминать» в те моменты, когда демократические институты либо традиционно слабы, либо не готовы реализовать взятые на себя обязательства.

Литература

- Кенен Г. Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. – М.: РОССПЭН, 2010. – 53 с.
- Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. – М.: РОССПЭН, 2009. – 190 с.
- Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: «Айрис Пресс», 2006. – 624 с.
- Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.
- Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избр. ст. по философии рус. истории и культуры: В 2-х т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – 351 с.
- Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г.Д. Гурвича. – М.: Практис, 2002. – 240 с.
- Юнгер Э. Националистическая революция: Политические статьи, 1923–1933 / Пер. с нем. А. Михайловского. – М.: Скимень, 2008. – 368 с.